

5.5.4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ / 5.5.4. INTERNATIONAL RELATIONS

Серия «Политология. Религиоведение»

2023. Т. 44. С. 30–49

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.30>

Опыт систематического изложения методологии ментальных исследований

Н. М. Ракитянский*

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

Аннотация. Рассматриваются основы методологической модели, которая применялась при подготовке автором монографии «Ментальные исследования глобальных политических миров». В первом из трех основных относительно самостоятельных разделов статьи излагается авторское понимание феномена менталитета и методологической модели его политико-психологического исследования; говорится о содержании и внутренней организации модели ментальных исследований, принципах ее построения, функциях и методологическом ресурсе. Во втором разделе раскрываются эвристический потенциал догматического принципа, его методологическое и онтологическое значение. Последняя часть посвящена выявлению исторических оснований феномена субъектности и концепту фундаментальной субъектной триады. Формулируется тезис о том, что методологическим основанием исследования менталитетов политических миров является триединство принципа историзма, догматического принципа и принципа субъектности.

Ключевые слова: методология, менталитет, ментализация, догмат, догматический принцип, субъектность, бессубъектность, субъектный принцип, сознание, сверхсознание, идентичность.

Для цитирования: Ракитянский Н. М. Опыт систематического изложения методологии ментальных исследований // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 44. С. 30–49. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.30>

Original article

The Experience of a Systematic Exposure of Methodology Mental Studies

N. M. Rakityanskiy*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The publication discusses the foundations of the methodological model that was used in the preparation of the monograph “Mental studies of global political worlds” [41]. The text contains three main relatively independent sections. In the first one, the author presents his understanding of the phenomenon of mentality and the methodological model of its political and psychological research.

© Ракитянский Н. М., 2023

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Here we are talking about the content and internal organization of the mental research model, the principles of its construction, functions and methodological resource. The second paragraph reveals the heuristic potential of the dogmatic principle, its methodological and ontological significance. The last part is devoted to identifying the historical foundations of the phenomenon of subjectivity and the concept of the fundamental subjective triad. Summarizing, the author formulates the thesis that the methodological basis for the study of the mentality of political worlds is the trinity of the principle of historicism, the dogmatic principle and the principle of subjectivity.

Keywords: methodology, mentality, mentalization, dogma, dogmatic principle, subjectivity, non-subjectivity, subjective principle, consciousness, superconsciousness, identity.

For citation: Rakityansky N.M. The Experience of a Systematic Exposure of Methodology Mental Studies. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2023, vol. 44, pp. 30–49. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.30> (in Russian)

Исходный пункт

*Среди прочих странностей методологии есть и такая:
никто не уполномочен выступать от ее имени, ибо каждый
понимает ее по-своему.*
Марк Рац

Актуализация методологического знания для выявления и анализа проблем и преобладающих трендов в различных сферах политики побуждает нас к осмыслению проектирования своей деятельности, что является одной из центральных задач методологии. С учетом того, что мышление человека представляет собой «невычислимый» процесс и сама деятельность его является «существенно неалгоритмическим поведением», разработка методологической стратегии требует *сложностного* мышления, в ходе которого происходит непрерывный диалог между простым и сложным, оно «не редуцирует и не поляризует» [34, с. 11, 112–114, 214]. Сама стратегия познания осуществляется в условиях неопределенности, игры различного рода взаимодействий и актов обратной связи [48, с. 17, 230]. В то же время отсутствие разработанной методологической модели приводит к беспомощной описательности и невозможности получить ожидаемый итог.

Предыстория первых опытов построения «учения о методах» восходит к логике Аристотеля [52]. До эпохи Нового времени методология как «учение о методах» не имела и не могла иметь значимого места в системе познания мира, но уже с началом Ренессанса и угасанием схоластической традиции открылась дорога неведомым ранее когнитивным возможностям. Отцом-основателем методологии как таковой принято считать Ф. Бэкона (1561–1626), чья заслуга состояла в том, что он показал решающую роль метода в научном познании [12].

По прошествии времени концептуальные построения «учения о методах постижения мира» развивались в трудах философов Р. Декарта (1596–1650), И. Ньютона (1642–1727), Г. Лейбница (1646–1716), М. В. Ломоносова (1711–1765), И. Канта (1724–1804), П.-С. Лапласа (1749–1827), И. Г. Фихте (1762–1814), Г. Гегеля (1770–1831), А. Шопенгауэра (1788–1860), К. Маркса (1818–1883), Ф. Энгельса (1820–1895), Г. А. Челпанова (1862–1936), В. И. Вернадского (1863–1945), А. А. Богданова (1873–1928), С. Л. Франка (1877–1950), П. А. Сорокина (1889–1968), Л. С. Выготского (1896–1934) и других великих.

И только во второй половине XX столетия значение и роль методологии начинает широко обсуждаться во всех сферах науки [32, с. 23–34]. С 1950-х гг. складываются методологические представления и модели в целом ряде социально-гуманитарных дисциплин – философии, истории, психологии, социологии, культурологии, политологии, языкознании, литературоведении и др. [14, с. 34–59; 27].

В наше время методология как познавательная метадеятельность направлена на самоорганизацию и само-реорганизацию творческого процесса для достижения теоретического и эмпирического результата [65]. Вместе с тем валидная методология есть еще экономия времени и усилий благодаря следованию принципу У. Оккама *«тщетно с большим делать то, что можно сделать с меньшим»*.

Исторически так сложилось, что методологические парадигмы главным образом говорят не об устройстве мира, а о способах организации мышления по его познанию, которые нередко предстают в виде моделей [46]. При этом методология как рефлексия над научным и практическим опытом предусматривает, во-первых, подбор, конструирование и формирование корпуса ключевых *понятий* как средства анализа проблем. Во-вторых, важен квалифицированный выбор *принципов* как субординированной целостности нормативных требований к исследованию. В-третьих, предполагается активный поиск *методов* анализа, релевантных объекту.

В современном мире с его непримиримым противостоянием идеологий, конфликтом ценностей и острыми столкновениями политических принципов насущной методологической задачей является верификация полученного знания. Это весьма сложная проблема, но поскольку социогуманитарная мысль по своей природе диалогична и логика диалога укоренена в культурно-историческом контексте науки, то она в какой-то мере может заменять эксперимент по причине отсутствия условий для его проведения [48, с. 225]. Безусловно, исследователю, наделенному этической и системной рефлексией, приходится воздерживаться от пристрастий и предвзятости, стремиться видеть факты такими, какие они есть.

Изложенные далее принципы предельно значимы для политико-психологического анализа менталитетов в их целостности и взаимовлиянии в пространстве современного глобального мироустройства, поскольку это знание расширяет возможности *осведомленного*, по И. Валлерстайну, взаимодействия с миром политики [13, с. 301]. Для практикующих политологов, равно как и для политиков, это не только возможность рефлексивного проектирования стратегий развития страны, но и ресурс влияния, обеспечения безопасности, а также чаемого будущего государства Российского.

Итак, комплексное изучение политического менталитета масс людей и правящих элит посредством валидной методологии предполагает всестороннее раскрытие его сущности, структур, форм их проявления и связи, закономерностей генезиса и динамики, тенденций развития и трансформаций, а также реалистичную интерпретацию результатов исследования этого феномена.

Методологическая модель исследования

Модель – место, где смысл принимает предметную форму, а предметная форма становится доступной к осмыслению.

Роберт Бёрд

В последние годы в среде психологов и политологов ширится интерес к созданию и использованию методологий моделирования [37; 44; 45]. Исследователи различных направлений научной деятельности ведут неустанный поиск в переплетении множества комбинаций и процедур, находя и выстраивая всевозможные модели изучаемых феноменов. Модель как динамическая аналогия объекта может выполнять диагностическую, интерпретационную, прогностическую, критериальную и эвристическую функции, которые обеспечивают генерирование новых гипотез, идей, проверку концепций и проч. [56; 36, с. 63]. Моделирование, по сути дела, формализует представление о намеченной работе, создает проекции изучаемой реальности, образует структурно-функциональное видение объекта, явления или процесса, отражает его существенные черты [16, с. 18–26].

Основу методологической модели составляет иерархический строй *принципов*, который предусматривает не только их субординацию, непротиворечивость и взаимодополняемость, но также взаимосвязь и взаимообусловленность, необходимый и достаточный набор всех его частей. При этом система принципов сама по себе является средством осуществления методологической воли автора той или иной разработки. В нашем исследовании менталитетов глобальных политических миров методологическая модель являет собой триединство принципа *историзма*, *догматического* принципа и принципа *субъектности*.

Если принцип историзма давно и повсеместно вошел в практику политологического анализа [26], то догматический принцип субстанционально не рассматривался и, естественно, не мог до недавнего времени применяться ни в психологических, ни в политических науках. Все-таки именно он имеет методологическое значение в качестве краеугольного камня, опираясь на который мы получаем возможность выявлять сущностные особенности, механизмы, тенденции и результаты догматически детерминированного мышления, которое непременно подчиняется объективным законам субъективного мира.

Политические *догматы* современного глобального миропорядка имеют многовековые философские, исторические, мифологические, религиозные и психологические корни. Из них прорастают, утверждаются и развиваются политические принципы, ценности, нормы, традиции, установки, представления, концепции, а также средства и приемы, стратегии и тактики политического взаимодействия.

Принцип субъектности, в свою очередь, также является еще недостаточно разработанным методологическим инструментом осмысления феномена политического менталитета во всей его сложности и многомерности. В результате проведенного исследования было установлено, что политическая субъектность государств опирается на глубинные ментально-догматические

истоки, которые вызревали в течение длительного исторического времени под прямым воздействием монотеистических учений.

Изложенный в монографии подход позволил выявить корневые составляющие политического менталитета. Ими являются преобладающие в той или иной общности догматически детерминированные установки *мышления, веры, волеизъявления, сверхсознательного и бессознательного*, которые определяют специфичные типы повседневного, социального, правового, экономического и политического поведения, свойственные как религиозным, так и секулярным группам.

Кроме этой структуры, концепт менталитета включает в свой состав разнообразие широких и узких тем [3], образов и представлений [17], понятий и символов [47, с. 60–79], которые в совокупности дают многоохватную картину той или иной общности. В любом менталитете есть также своего рода *орнаменты*, отражающие яркие черты самобытности и неповторимости одного или другого народа, благодаря которым он отличается от прочих народов «как единство для себя» [31, с. 151–152]. Структурное и орнаментальное всегда взаимно проникают друг в друга, и чем больше эти орнаментальные штрихи будут учитываться и соединяться с общеструктурными элементами, тем ближе мы будем подходить к целостному видению и реалистичному пониманию того или иного менталитета.

Таким образом, концепт менталитета как таковой есть репрезентативный выразитель *инаковости и уникальности* психологических качеств, политических установок, морально-этических принципов, духовных, религиозных, идеологических и нравственных представлений и ценностей этносов, народов и наций.

Разработанная методологическая модель, базис которой составляют три методологических принципа, позволила подтвердить гипотезу о том, что целостное глобальное политическое пространство состоит из двух ментально различных геополитических общностей.

Первая геополитическая общность включает в свой состав *субъектные* политические миры, которые существуют и развиваются в контексте тысячелетней *монотеистической* (догматической) метатрадиции и являются ее следствием и результатом. Ментально-политические образования монотеистического генезиса, при всех их различиях, зиждутся на догматах, которые также являются не подверженной изменениям во времени системой формирования догматической идентичности, политической субъектности, субъектно-креативного потенциала и ментально-политической экспансии.

Ментально-догматическая детерминация генерирует инвариантные модели деятельности субъектов монотеистического происхождения, способы реализации ими своих интересов в политике, типы их интеллектуальной, культурной, экономической, дипломатической, военной и политической экспансии. Каждая догматически детерминированная ментально-политическая система прошла свой уникальный исторический путь и образует единственный в своем роде политический мир, что позволяет отличать эти миры друг от друга, выявлять их внутреннюю структуру, тенденции их развития и проводить сравнительные исследования.

Вторая геополитическая общность единит *бессубъектные политеистические* (адогматические) миры Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Южной Азии и части Африканского континента, существование которых в глобальном пространстве манифестируется адаптивно-имитационным модусом политического мышления и поведения, отсутствием субъектно-креативных свойств, в силу чего эти национально-этнические образования не способны к субъектной экспансии. В политико-психологическом плане их отличают устойчивые натуралистические, адаптивно-подражательные установки, высокий ассимиляционно-регенеративный потенциал, стабильная репродуктивно-утилитарная мотивация на заимствование жизненно важных новаций извне. Все они в течение длительного исторического времени разворачивались и утверждались посредством усвоения разного рода автохтонных языческих (идолопоклоннических) верований и культов.

Подведем итог. Вся система глобальных, национальных и этнических менталитетов в ее целостности, полноте и своеобразии *догматически / адогматически* организованного сознания народов в их «сложном многоединстве» являет собой динамический культурно-цивилизационный планетарный гомеостазис [19, с. 322–339]. Разработанный в монографии [41] подход и результаты проведенного исследования составляют методологический ресурс, пользование которым делает возможным выявление и анализ объективно существующих проблем во взаимодействии как глобальных, так и национальных политических миров.

Методологический потенциал догматического принципа

*Догмат... есть утвержденность вечных истин,
противостоящих всякому вещественному и историческому
протеканию явлений.*

А. Ф. Лосев

Как всеобщий принцип становления и утверждения менталитета догматический принцип раскрывает сущность догмата в качестве первичной системы априорного знания об устройстве мироздания и смысле человеческого существования. Вот что по этому поводу пишет основатель отечественной политической психологии А. И. Юрьев: «Содержание канала менталитета – цель жизни – задается догматом “миссии человека”; ценности жизни задаются менталитету догматом “предназначения человека”; цель жизни менталитету задается догматом “призвание человека”; труд задается менталитету догматом “служения”. Без этих предшественников в сечении потока сознания был бы полный хаос со всеми вытекающими последствиями для человечества» [62, с. 19–20].

Догмат является ядром менталитета, он обуславливает характер политической власти любой страны, особенности системы права, экономического уклад, субъектность, духовность, нравственность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств, каждого отдельного человека. Совокупность догматов как организованное целое обеспечивает постоянство в способах бытия культурно-цивилизационных сообществ.

Система догматов монотеистического менталитета как онтологическая *метамодель* и духовно-стационарная основа понимания мира и связи с ним представляет собой инвариантную структуру концептуализации априорных знаний о бытии. Из поколения в поколение она воспроизводится и вновь утверждается его носителями – субъектами менталитета – как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, аргументов и доказательств [33, с. 23–24, 42–43].

Догматический принцип – не только как методологический, но и как онтологический – содержит в себе и открывает нам в качестве смыслового ядра менталитета любого этноса, народа и нации свойственную им «утвержденность вечных истин бытия» [29, с. 261]. Догмат, будучи недоказуемой истиной или истиной *a priori*, принимаемой на веру политической, военной, духовной, культурной, хозяйственно-управленческой элитой, выстраивает смыслообразующие устремления, вектор мышления, воли и верований общностей людей, программирует особенности их жизни и деятельности, воззрения, намерения, чувствования, мотивы и поступки.

Система догматов того или иного монотеизма или же атеистической доктрины, которая также есть догмат [11, с. 56–57], является источником формирования ментальных матриц, и они уже как унифицированные коды объединяют массы людей, которые длительное время живут в контексте преобладающего априорного знания, словно в своеобразной гравитационной системе, недоступной для непосредственного восприятия. При этом матрица догматов выступает в качестве целостной программы организации мышления, в русле которой этнос, народ или нация осуществляет, развивает и проектирует самобытные культурные, экономические и политические практики.

Содержание и смыслы догматов выражаются в форме понятий и по своей гносеологической природе представляют результат сверхсознательных форм познания [43, с. 236–245], касаются области трансцендентного и выходят за границы как бытового, так и научного мышления. Понимание догмата как «ступени восхождения», «могучего орудия творческого перерождения мира, творческого его развития», «лестницы к небу и Богу» представлено в философии Н. А. Бердяева. Он полагал, что религиозные догматы содержат в себе знания метафизического характера, изъясняют существо духовной жизни и касаются первооснов бытия [8, с. 90].

Догматическое мышление как инвариантная когнитивная структура объединяет религиозные и секулярные группы людей, оперирующих понятиями и смыслами своих верований и убеждений [7, с. 23]. Те и другие длительное время жили в локусе преобладающего догматического вероисповедания как в духовно напряженном поле сверхсознательной *доминанты*. Отдаем мы себе в этом отчет или нет, но, например, в России большинство ее граждан живут в пространстве норм светской культуры, которая изначально детерминирована христианскими догматами и ценностями, православными традициями мышления и этикой повседневного поведения. Именно поэтому весьма значимым психологическим фактором в понимании феномена догматичности мышления

является то обстоятельство, что оно не осознается большинством людей, так же как и давление атмосферного столба или закон всемирного тяготения.

Практически любому человеку чрезвычайно сложно почувствовать, увидеть и понять то, что его менталитет догматически детерминирован, как и то, в чем состоит его догматическая обусловленность. Со всем этим мы живем, мечтаем и говорим о свободе, демократии, справедливости, возможности независимого выбора... Неудивительно, что люди, принадлежащие к различным культурам, нациям, идеологиям и религиям, зачастую не способны понять друг друга, ведь их политические ценности, политические же представления, восприятие власти, как и в целом организация мышления, предопределены различными системами догматов.

Между тем устойчивые этнические, национальные, социальные, культурные, военные и политические *традиции*, охватывающие массы людей, как ментальная реальность повседневной жизни по-своему *догматичны*, притом что они не обладают свойствами трансцендентальности. Традиции обязательно догматичны, пишет В. А. Кутырёв, так как они получены от предков через откровение и переживание без всякого обоснования своей целесообразности. Они являются почвой коллективного или индивидуального бессознательного в чистой или сублимированной форме, из которой произрастают наши мысли и которая является органической частью живой культуры [24, с. 98].

Здесь мы обратим внимание на то обстоятельство, что цивилизации отличаются друг от друга не только по своей истории, языку, традициям, культуре, но прежде всего, и это самое важное, по религии. Эти различия складывались столетиями и даже тысячелетиями. Так, по мнению С. Хантингтона, они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями, политическими системами и проч. Возрождение религий в последние десятилетия XX в. усиливает эти различия [55, с. 14, 26, 49]. Непреходящее значение религий монотеизма определяется их безусловной приверженностью догматам, канонам и традициям, ценностно-смысловая структура которых неизменна. Они не развиваются в том смысле, в каком развивается все остальное, – в них нет и не может быть развития, определяемого «природной необходимостью» [7, с. 195].

В XXI в. ценностно-мировоззренческие ориентации политических масс, как и прежде, определяются монотеистическими системами вероисповедания: восточным христианством, западным христианством [9, с. 49–55], исламом и первой из них – иудаизмом [40, с. 55–81]. Все они и каждая из них по-своему веками проповедовали необходимость субстанционального утверждения личности «в вечном бытии» [29, с. 142]. Даже после того, как Пьер Лаплас «изгнал Бога из мира», он продолжал верить, что мир совершенен, поскольку Бог передал ему свой божественный атрибут [34, с. 219].

Вероучения монотеизма столетиями выстраивали политическую архитектуру глобального человечества. Они по-прежнему представляют собой доминанты онтологического и психологического ареала мирового сообщества как единого планетарного порядка. Кроме того, каждая из них определяет кардинальные различия глобальных культурно-цивилизационных систем. Все

они, опираясь на свой догматический уклад, в течение длительного исторического периода составляли опору мировоззрения, истоки жизненной позиции и философию существования, определяли базовые установки мышления людей, живущих в пространстве монотеизма и за его пределами.

В результате исторического перехода от язычества к догматическому единобожию в обществах монотеистической культуры «естественный индивид» [4, с. 24] в процессе эволюции со временем становился *субъектом*. Он априорно усваивал догматически детерминированные установки сознания в контексте той общности, к которой принадлежал. В конечном итоге строй догматического мышления из века в век становился как фактором социализации, так и средством построения монотеистической модели мира.

Как видим, догматическое мышление из поколения в поколение непременно воспроизводится в ментальных проявлениях обыденной и общественной жизни, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности. Понятия, установки, стереотипы, нормы, традиции и ценности в результате этого процесса со временем стали неотъемлемой частью не только сознания, но и других – подсознательных и сверхсознательных, или «сверхразумных», по Н. А. Бердяеву [7, с. 64–67], – составных частей психики верующих и неверующих людей.

Именно поэтому текущая политика по сей день творится в контексте тысячелетней религиозно-догматической практики и является ее следствием и результатом. Но в наше время монотеистические доктрины испытывают нарастающее агрессивное давление апостасийных процессов и секулярной подмены, которые находят свое выражение в экспансии либеральных идеологий, «новых религиозных движений» [21; 61], экуменизма [25], гражданских религий [18], сектантства [20, с. 224–234] и неопаганизма [64]. Ни один сегмент современного мира не испытывает такого мощного давления глобализации, как религия. Так, например, либеральные принципы в их проекции на религию закреплены в ряде международных документов и стали реальностью нашего времени [23, с. 51].

Завершая, отметим, что религиозно-догматические основания менталитета складывались с момента зарождения у человечества *самосознания*. Догматы, догматическое мышление и менталитет любого политического субъекта неотделимы от религиозной и духовной культуры, в пространстве которой они утверждались. В нынешнюю эпоху секуляризма важность самой религии может стоять далеко не на первом месте в иерархии жизненных предпочтений и ценностей значительной части наших современников. Но в принципе при снижении уровня религиозности, даже у кого-то при ее утрате, мышление людей остается неизменно догматичным [11, с. 56–57]. Так, автор концепции судьбоанализа Л. Сонди полагает, что атеизм, безусловно, догматичен – неверующий человек лишь осуществляет перенос «всемогущества на собственное “Я”» [50, с. 158–159].

Догматы как психологический феномен обладают интегрирующим свойством, являются фактором социализации и ментализации, генерируют онто-

логические представления, value dominants и устойчивые модели мира. Вместе с тем преодоление проблемы догматической генерализации сознания в социальной, научной, политической, иных сферах деятельности, возможность перехода к инновационному мышлению осуществляются посредством самоорганизации, и прежде всего само-реорганизации, или *рефлексии* как надситуативного, метасистемного уровня проектирования сложной деятельности [22, с. 9].

В психологических исследованиях глобальных политических миров методологический потенциал и эвристический ресурс концепта догмы / догмата открывает новые возможности проводить исследования глубинных структур как менталитетов культурно-цивилизационных систем, так и национальных менталитетов.

Глубинные основания феномена субъектности. Фундаментальная субъектная триада

Греческая философия по основной своей тенденции направлена на объект, она объективная философия. Новая философия направлена на субъект, что есть результат совершенного христианством освобождения человека от власти природного мира объектов.

Н. А. Бердяев

Методологические разработки проблемы *субъекта* и *субъектности* посредством разнообразных моделей – неувядающая традиция развития психологических и философских исследований в нашей стране с начала минувшего века [5; 30; 49; 57; 59; 60]. Надо сказать, что необозримое количество этих работ до сих пор не систематизировано и не осознано. Концептуальная и категориальная система отечественной научной школы является предельно сложной – настолько она разнообразна, изоцирена и трудносопоставима по глубине с понятийными системами западной психологии. Что касается «интернациональной науки», то наших зарубежных коллег тема «*субъекта*», судя по всему, мало занимает, поскольку у них уже есть свой «*актор*», который, кстати говоря, буквально очаровал умы многих наших экспертов-политологов.

Обращаясь к истории феномена, мы видим, что еще относительно недавно – в период Античности – существовала *досубъектная* эпоха, когда люди не осознавали уникальности содержания своего бытия – внутреннего мира самого человека, его сознания, а также плодов его духовной, социальной и политической деятельности. Естественный *индивид* не выделялся из природного мира и уподоблялся космосу. Он и был им в миниатюре. Его идеальный мир в те времена не обладал субстанциальной спецификой. Человек не противостоял среде, будучи ее частью, он не обособлялся от окружающего природного и социального пространства и не был субъектом. Природному индивиду того времени еще не открывалась картина мира, в которую был включен он сам, и его действия, и его состояния [28, с. 59–64].

Первооснова беспрецедентной в мировой истории *субъектной* системы политических отношений впервые была представлена в Ветхом Завете – в Книгах Танаха [63, р. 637]. Именно в иудейском, исторически первом моноте-

изме «дифференцированный субъект» [31, с. 283] получил принципиально новое воплощение (Быт. 1:26). Здесь он соединен с догматом сотворения – *creatio*. Если для языческого античного мира идея творения как рождение качественно нового созидательного содержания совершенно бессмысленна, то в монотеистическом мировоззрении она играет первостепенную, главенствующую роль (Быт. 1:27-28).

Согласно Священному Писанию, этот Бог, Которого «не видел никто и никогда» [Иоан.1:18], не сводился ни к природе, ни к космосу. Правильность направления жизни, мудрость и все добродетели стали определяться не подражанием растительному и животному миру, движению планет и звезд и т. д., а преодолением непосредственной детерминации в соответствии с Заветом [Исх. 19:6].

Далее, уже с началом христианской эпохи, человек начинает ощущать и затем воспринимать себя духовным, богоподобным, трансцендентальным *субъектом* [Быт. 2:7]. В нем – источник мотивов и устремлений, утвержденных в догматах, канонах, заветах пророков и святых. Он законодатель эмпирических форм субъектности – нашего витального, рефлексивного и деятельного «Я». Человек природно-естественного модуса существования обретает возможность стремиться к «трансцендентной реальности». *Миродействие индивида* становится *мировоззрением субъекта* [15, с. 315] как эпицентра бытия [1, с. 3–21]. Именно поэтому конституирующим качеством личности человека становится его *субъектность* как «открытие самого себя» [10, с. 11–15, 34, 41–46].

С идеей личности как «подобия Божия» [Еккл. 3:11] связано понимание человека как трансцендирующего существа. Это значит, что личность есть *надприродное* в человеке [15, с. 315] – она субъект творчества, который определяет себя через созданный им самим смысловой, субъектный мир. Этот божественный дар выводит индивида за пределы естественной необходимости, ведь он уже «призывается быть сотворцом, соучастником Бога. Он становится его подобием на Земле» [38, с. 13–17]. Значит, обретя «подобие Божие», человек тем самым обретает способность быть субъектом творения, выступать в качестве полагающего начала, воплощать свои богоподобные, креативные помыслы (Быт. 1:1-2; Рим. 8:29-30; 1Фес.5:23).

По словам Н. А. Бердяева, рабская зависимость человека от демонов природы была также рабством его у самого себя, у своих собственных низших стихий. От этого рабства, в котором свобода переродилась в необходимость, он освободиться не мог [6, с. 87–88]. Но, выходя за пределы адаптивных языческих форм жизни и относясь к себе *рефлексивно*, человек создавал возможность быть предметом собственного творчества [51, с. 135–137]. Его существо «охватывает единство поведения, которое отличается признаком *овладения*» [15, с. 315]. Он деятельно сам созидает себя, свои ранее неведомые способности, ценности, смыслы и стратегические цели саморазвития.

Иначе говоря, только монотеизм формирует у своих приверженцев сверхсознательные – догматические установки и мотивации, в том числе и полити-

ческие, которые действуют независимо от времени и природного пространства. Именно эта уникальность монотеистического менталитета определила тот исторический факт, что из всех языческих народов античного Средиземноморья только монотеисты евреи сберегли свою политическую аутентичность [58]. Сохранив в веках и тысячелетиях свою историческую память, культуру, национальную и ментальную идентичность, они в середине XX в. восстановили свое государство.

Посредством *креативной* рефлексии, *целевой* и *сверхсознательной* детерминации монотеизм последовательно и безусловно утверждал свой особый статус, при этом догматически установленный божественный акт творения проецировался на каждого члена общины как на «образ и подобие Бога», в результате чего каждый ее член становился обладателем личностной творческой воли.

Следуя догматическому принципу, представляется возможным сделать вывод, что монотеизм стал не только принципиальным, специфическим и необходимым самоутверждением личности в вечности, но и реальной осуществленностью содержательно нового – *субъектного* менталитета. Так, иудаизм и все ветви христианства отличают понимание необходимости связи с бытием абсолютным и вне времени, императивная ориентация на онтологическую идентичность, установка на невозможность возврата в сферу адаптивно-подражательного, естественно-бессубъектного модуса существования политеистического человека [10, с. 62–64].

Таким образом, политическая субъектность государств, блоков и союзов опирается на глубинные, догматические истоки субъектности, которые зарождались под влиянием монотеистических религиозных систем и развивались в течение как минимум двух тысячелетий. В современном планетарном пространстве при всем многообразии государств действует ограниченное количество ментально единых политических субъектов, представленных как отдельными государствами, так и блоками стран. Они составляют субъектный полюс глобальных политических миров. Так, единым догматическим основанием евро-атлантических типов субъектности стало христианство, на фундаменте которого сложились типы политической субъектности: православный, католический и разновидности протестантского¹.

Восточное христианство и западное христианство в лице католичества, протестантизма и его ветвей как монотеистические системы определяют модели политической субъектности доминирующих политических миров. Внутри каждого из этих миров относительно автономно в течение тысячелетий существует первый в истории человечества субъектный мир иудаизма. При этом в ряду монотеистических менталитетов исламский политический менталитет субъектным не является [42, с. 53–71].

Здесь мы заметим, что в исламе, так же как и в иудаизме, в отличие от христианства разрабатывалась доктрина о предвечном бытии сакрального *текста* как Закона для еще не сотворенного мира. У евреев это Книга Книг –

¹ В монографии представлено развернутое обсуждение ключевых концептов, использованных в процессе работы, а также приводится обстоятельный анализ конкретных политических менталитетов.

Тора. У мусульман – Священный Коран. В христианстве же место этой доктрины занимает учение о таком же предвечном, довременном бытии Логоса – *Слова Божьего* (Ин. 1:1), притом понятого как личность – «ипостась» [2, с. 237].

В исламе же, напротив, безличному Богу догматически придан атрибут книги – Священного Корана [39, с. 78–88]. Именно поэтому в мусульманстве с этой точки зрения Бог *не личность и не субъект*. При этом Слово Божье есть текст и содержание Корана. В отличие от *книжных текстов* Торы и Корана Евангельское слово для христиан – это *речь*, живая и поучающая [35, с. 221–222].

Деструкция извечных догматических устоев цивилизации или ее государственности приводит к тому, что и сама политическая система может сохраняться по инерции сроком не более средней продолжительности жизни человека. Этот тезис подтверждает пример существования СССР с 1917 по 1991 г. В итоге семи десятилетий атеистического разрушения «*иерархии доминантных идентичностей*» [54], на вершине которой в течение почти тысячелетия в нашей стране было православие, произошел распад советской политической системы, которая принципиально исключала трансцендентальный модус своего существования.

Доминанта, раз возникнув, продолжает латентно жить в системе и может в отдаленном будущем вступить в борьбу за первенство и победить. Из следов протекшего, по словам академика А. А. Ухтомского, вырастают доминанты и побуждения настоящего для того, чтобы предопределить будущее. «Если не овладеть вовремя зачатками своих доминант, они завладеют нами» [53, с. 59].

Опора политических субъектов на монотеистическое понимание и утверждение себя в окружающем мире со временем привела к образованию национальных менталитетов. Это также указывает на монотеистический базис, на котором, например, стало возможным восстановление политической субъектности государства Израиль в порядке преемственности духовных начал древнееврейского государства и идентичного ему, несмотря на почти двухтысячелетний перерыв в реальном политическом существовании.

Резюмируя изложенное, обратимся наконец к концепту *фундаментальной субъектной триады*, опираясь на который проводился анализ конкретных менталитетов. Итак, в психологических и философских науках концепты «субъект» и «субъектность» ассоциируются прежде всего с самосознанием, в котором человек отражается как нечто целое, как единство субъективного и объективного [29, с. 261]. Атрибутом субъекта деятельности также признается его способность к рефлексии, суть которой в широком смысле во многом совпадает с определением феномена самосознания. Субъектность зарождается и осуществляется не только пониманием человека как основания самого себя, но и самопричинностью – самодетерминацией.

Психологическим содержанием самосознания и самодетерминации является способность делать предметом *прогнозирования* и *проектирования* свое будущее и практически его проводить в жизнь. Эта способность включает в себя возможность создавать политические средства и возможности своего развития и политической экспансии. Из чего следует, что политическая *субъект-*

ность как интегрирующий фактор политической практики обусловлена диалектическим единством трех динамических структурных элементов. Это *самосознание, самодетерминация и самопроектирование*, объединенные концептом фундаментальной субъектной триады, который обладает методологическим потенциалом диагностирования, дифференциации и систематизации субъектного статуса разного рода политических субъектов в ментальном пространстве глобальных политических миров.

Методологическая модель ментальных исследований глобальных политических миров была реализована мною посредством корпуса взаимосвязанных понятий, определяющих ядро смысловой структуры менталитета. Ее ключевыми элементами являются: менталитет, ментализация, полиментальность, догмат, догматический принцип, догматическая детерминация, догматическая генерализация, закон контекста, доминанта, субъект, субъектность, бес-субъектность, субъектный принцип, фундаментальная субъектная триада, сознание, сверхсознание, вера, рефлексия, идентичность, монотеизм и политеизм, иудаизм, христианство, католицизм, протестантизм, ислам, политеизм, психологическое моделирование.

Итог предыдущего

Подводя итог изложению авторской концепции методологии ментальных исследований, сделаю ряд довольно простых и вместе с тем принципиально важных теоретических и методологических замечаний.

Методологическим базисом исследования менталитетов глобальных политических миров является триединство принципа историзма, догматического принципа и принципа субъектности. При этом принцип историзма имплицитно содержится в двух других.

Догматический принцип как всеобщий принцип становления и утверждения менталитета имеет первенствующее методологическое значение – он определяет возможности выявления и изучения сущностных особенностей, механизмов, закономерностей и результатов догматически детерминированного мышления, верования и волеизъявления.

Далее, *система догматов* того или иного монотеизма или же атеистической доктрины, которая также есть догмат, является источником формирования идентичностей и ментальных матриц как основ социальной, культурной, религиозной, национальной и политической консолидации масс людей.

Догматический принцип имеет *онтологическое* содержание – он открывает нам в качестве смыслового ядра менталитета любого этноса, народа и нации свойственную им «утвержденность вечных истин бытия».

Догматическое мышление непреложно подчиняется объективным законам субъективного мира. Оно является неотъемлемой функцией человеческого сознания, как и восприятие, представление, переживание, познание, прогнозирование, целеполагание, память. Переход от догматического мышления к диалектическому осуществляется посредством рефлексии как механизма осознаваемой психической активности.

Принцип субъектности генетически, онтологически и методологически связан с догматическим принципом. Как методологическое основание ментальных исследований глобальных политических миров он раскрывается мною посредством концепта фундаментальной субъектной триады – диалектического единства трех динамических структурных элементов: самосознания, самодетерминации и самопроектирования.

Менталитет как таковой есть репрезентативный выразитель инаковости и уникальности психологических качеств, морально-этических принципов, политических установок, духовных, религиозных, идеологических и нравственных представлений и ценностей этносов, народов и наций.

Современная политика осуществляется в историческом контексте тысячелетних религиозно-догматических практик и является ее следствием и результатом.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 4. С. 3–21.
2. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda, 1977. 343 с.
3. Александров Ю. И., Киридина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 3–12.
4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М. : Наука, 2000. 288 с.
5. Бахтин М. М. К философии поступка // Работы 20-х годов. Киев : Next, 1994. 383 с.
6. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 175 с.
7. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с.
8. Бердяев Н. А. Философия свободы. Сочинения. М. : Раритет, 1994. 608 с.
9. Богданова О. А. Проблема взаимодействия христианских конфессий и государства в современном мире: компаративистский анализ // Научная мысль Кавказа. 2019. № 3 (99). С. 49–55.
10. Бубер М. Избранные произведения / пер. с нем. Н. Бартман, А. Гинзай, Ф. Гурфинкель. Израиль : Библиотека-Алия, 1979. 357 с.
11. Булгаков С. Н. Два града. М. : Астрель, 2008. 410 с.
12. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1971. 590 с.
13. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире : пер. с англ. СПб. : Университетская книга, 2001. 416 с.
14. Вернадский В. И. О научном мировоззрении. Избр. труды по истории науки. М. : Наука, 1981. 336 с.
15. Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М. : Педагогика, 1983. 368 с.
16. Дмитриева Ю. А., Грязева-Добшинская В. Г. Метод моделирования в социальной психологии // Социальная психология. 2013. Т. 6, № 1. С. 18–26.
17. Егоров В. В. Наглядные образы в формировании менталитета общества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2003. 48 с.
18. Задорожнюк И. Е. Гражданская религия в США: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008. 46 с.
19. Зелинский А. Н. Идея космоса в буддийской мысли // Страны и народы Востока. Вып. 15. Азия и Африка. М. : Наука, 1973. С. 322–339.
20. Калужская Е. В. Религиозное сектантство как феномен постмодерна // Социальная политика и социология. 2009. № 1. С. 224–234.
21. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения. Энциклопедия религий. М. : Академический проект, 2008. 472 с.

22. *Карпов А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М. : Институт психологии РАН, 2004. 424 с.
23. *Косиченко А. Г.* Глобализация и религия // Век глобализации. 2013. № 1. С. 47–58.
24. *Кутырёв В. А.* Культура и технология: борьба миров. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 238 с.
25. *Легеев М., Зинковский С., Зинковский Е.* Экуменизм как явление современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, вып. 4. С. 223–240.
26. *Лекторский В. А., Ойзерман Т. И.* Теория познания. Т. 3. Познание как исторический процесс. М. : Мысль, 1993. 397 с.
27. *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки // Философия, методология, наука. М. : Наука, 1972. С. 7–44.
28. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
29. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М. : Акад. Проект, 2008. 303 с.
30. *Лосев А. Ф.* Миф, число, сущность. М. : Мысль, 1994. 920 с.
31. *Лосев А. Ф.* Учение о стиле. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 456 с.
32. *Медведев В. А.* Параметры методологической составляющей познавательного процесса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. № 10. С. 23–34.
33. *Можаровский В. В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб. : Овизо, 2002. 272 с.
34. *Морен Э.* О сложности. М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2019. 284 с.
35. *Николаева Т. М.* О чем рассказывают нам тексты? М. : Языки славян. культур, 2012. 328 с.
36. *Носс И. Н., Ковалева М. Е.* Моделирование в психологическом исследовании // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 2. С. 63–69.
37. *Петухов А. Ю.* Моделирование социальных и политических процессов. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. 141 с.
38. *Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С. В. Перевезенцев. М. : ОЛМА-пресс, 2001. С. 13–17.
39. *Поломошнов П. А.* Проблема личности в исламе // Исламоведение. 2015. Т. 6, № 4 (26). С. 78–88.
40. *Ракитянский Н. М.* Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Московского университета. Серия 12. 2013. № 4. С. 55–81.
41. *Ракитянский Н. М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020. 464 с.
42. *Ракитянский Н. М.* Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2012. № 5. С. 53–71.
43. *Ракитянский Н. М.* Феномен и концепт сверхсознания в политической психологии // Мир и политика. 2013. № 6. С. 236–245.
44. *Ракитянский Н. М., Сунь Ц.* Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Ч. 1 // Вестник Московского университета. Серия 12. 2016. № 2. С. 57–79.
45. *Ракитянский Н. М., Сунь Ц.* Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Ч. 2 // Вестник Московского университета. Серия 12. 2016. № 5. С. 64–86.
46. *Рац М. В.* Методология: младшая сестра науки или ее мать? // Независимая газета. Наука. 2004. 2 нояб. № 3 (76).
47. *Розов Н. С.* Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1, № 1(3). С. 60–79.
48. *Рубанов В. А.* Вижу смысл. Метафизика смыслов. Т. 1. М. : Арго-Книга, 2022. 365 с.
49. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М. : АН СССР, 1957. 328 с.
50. *Сонди Л.* Судьбоанализ : статьи / пер. с нем. А. В. Тихомиров. М. : Три квадрата, 2007. 480 с.

51. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М. : Наука, 1987. 239 с.
52. *Тренделенбург А.* Элементы логики Аристотеля / пер. Б. А. Фохта, А. Г. Вашестова. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 336 с.
53. *Ухтомский А. А.* Доминанта. М. : Public Domain, 2019. 258 с.
54. *Флиер А. Я.* Очерки теории исторической динамики культуры : монография. М. : Со-гласие, 2015. URL: https://studref.com/536723/kulturologiya/evolyutsiya_dominantnyh_identichnostey (дата обращения: 01.02.2023).
55. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 1996. 640 с.
56. *Хорафас Д. Н.* Системы и моделирование / пер. с англ. под ред. И. Н. Коваленко. М. : Мир, 1967. 419 с.
57. *Челпанов Г. И.* Мозг и душа: критика материализма и очерк современных учений о душе. Киев : [б. и.], 1906. 319 с.
58. *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. М. : АСТ, 2007. 414 с.
59. *Шпет Г. Г.* Сознание и его собственник // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916 : статьи по философии и психологии. М. : [б. и.], 1916. С. 156–210.
60. *Шпет Г. Г.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы // Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 524–536.
61. *Эгильский Е. Э., Матецкая А. В., Самыгин С. И.* Новые религиозные движения. Со-временные нетрадиционные религии и эзотерические учения : учеб. пособие. М. : КноРус, 2011. 224 с.
62. *Юрьев А. И.* Предисловие // Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобаль-ных политических миров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020. С. 19–20.
63. *Vecchio B., Schadé J. P.* Encyclopedia of World Religions. 2006. 960 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=130GngEACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onep-age&q&f=false> (дата обращения: 01.02.2023).
64. *Modern Paganism in World Cultures. Comparative Perspectives / Ed. by Michael F. Strmiska.* Santa Barbara, California Denver, Colorado Oxford, England, 2005. 398 p.
65. *Morin E.* Antidote pour les pensées uniques Entretien avec Edgar Morin. 2008. URL: <https://gerflint.fr/Base/Roumanie3/nelson.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).

References

1. Abulkhanova K.A. Printsip subjekta v otechestvennoy psikhologii [The principle of the sub-ject in domestic psychology]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2005, vol. 2, no. 4, pp. 3-21. (in Russian)
2. Averintsev S.S. *Poetika rannevizantiyskoy literatura* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, Coda Publ., 1977, 343 p. (in Russian)
3. Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G. Tipy mentalnosti i institutsionalnye matritsy: multidistsipli-narnyy podkhod [Types of mentality and institutional matrices: a multidisciplinary approach]. *Socio-logicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2012, no. 8, pp. 3-12. (in Russian)
4. Ananiev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 288 p. (in Russian)
5. Bakhtin M.M. *K filosofii postupka. Raboty 20-kh godov* [To the philosophy of the act. Works of the 20s.]. Kiev, Next Publ., 1994, 383 p. (in Russian)
6. Berdyaev N.A. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow, Thought Publ., 1990, 175 p. (in Russian)
7. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow, Respu-blika Publ., 1994, 480 p. (in Russian)
8. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Sochineniya* [Philosophy of freedom]. Moscow, 1994, 608 p. (in Russian)
9. Bogdanova O.A. Problema vzaimodeystviya khristianskikh konfessiy i gosudarstva v sov-reennom mire: komparativistskiy analiz [The problem of interaction between Christian denomina-tions and the state in the modern world: a comparative analysis]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2019, no. 3 (99), pp. 49-55. (in Russian)

10. Buber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Per. from German N. Bartman, A. Ginzai, F. Gurfinkel. Selected works. Printed in Israel. Library-Alia, 1979, 357 p. (in Russian)
11. Bulgakov S.N. *Dva grada* [Two cities]. Moscow, 2008, 410 p. (in Russian)
12. Bacon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk [On the dignity and multiplication of sciences]. Sochineniya. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Thought Publ., 1971, 590 p. (in Russian)
13. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Transl. from English. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001, 416 p. (in Russian)
14. Vernadsky V.I. *O nauchnom mirovozzrenii* [On the scientific worldview] Izbr. works on the history of science. Moscow, Nauka Publ., 1981, 336 p. (in Russian)
15. Vygotzky L.S. *Sobranie sochineniy. V 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki* [Collected works: In 6 vol. T.Z. Problems of the development of the psyche]. Ed. A.M. Matyushkin. Moscow, Pedagogy Publ., 1983, 368 p. (in Russian)
16. Dmitrieva Yu.A., Gryazeva-Dobshinskaya V.G. Metod modelirovaniya v sotsialnoy psikhologii [Modeling method in social psychology]. *Socialnaya psikhologiya* [Social psychology], 2013, vol. 6, no. 1, pp. 18-26. (in Russian)
17. Egorov V.V. Naglyadnye obrazy v formirovanii mentaliteta obshchestva [Visual images in the formation of the mentality of society]. Cand. sci. diss. abstr. Ekaterinburg, 2003. 48 p. (in Russian)
18. Zadorozhnyuk I.E. *Grazhdanskaya religiya v SShA: sotsialno-filosofskiy analiz* [Civil religion in the USA: socio-philosophical analysis]. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2008, 46 p. (in Russian)
19. Zelinsky A.N. Ideya kosmosa v buddiyskoy mysli [The idea of space in Buddhist thought]. *Countries and peoples of the East. Iss. 15. Asia and Africa*. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 322-339. (in Russian)
20. Kaluzhskaya E.V. Religioznoe sektantstvo kak fenomen postmoderna [Religious sectarianism as a postmodern phenomenon]. *Socialnaya politika i sociologiya* [Social policy and sociology], 2009, no. 1, pp. 224-234. (in Russian)
21. Kanterov I.Ya. *Novye religioznye dvizheniya. Enciklopediya religij* [New religious movements. Encyclopedia of Religions.]. Moscow, Academic project Publ., 2008, 472 p. (in Russian)
22. Karpov A.V. *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatelnosti* [Psychology of reflexive mechanisms of activity]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, 424 p. (in Russian)
23. Kosichenko A.G. Globalizatsiya i religiya [Globalization and Religion]. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 2013, no. 1, pp. 47-48. (in Russian)
24. Kutyrev V.A. *Kultura i tekhnologiya: borba mirov* [Culture and Technology: The Struggle of the Worlds]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2001, 240 p. (in Russian)
25. Legeev M., Zinkovsky S., Zinkovsky E. Ekumenizm kak yavlenie sovremennosti [Ecumenism as a phenomenon of modernity]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy of Sciences], 2017, vol. 18, iss. 4, pp. 223-240. (in Russian)
26. Lektorsky V.A., Oizerman T.I. *Teoriya poznaniya. T. 3. Poznanie kak istoricheskiy protsess* [Theory of knowledge. Vol. 3. Cognition as a historical process]. Moscow, Thought Publ., 1993, 397 p. (in Russian)
27. Lektorsky V.A., Shvyrev V.S. Metodologicheskij analiz nauki [Methodological analysis of science]. *Filosofija, metodologija, nauka* [Philosophy, methodology, science]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 7-44. (in Russian)
28. Leontiev A.N. *Deyatelnost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 304 p. (in Russian)
29. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectic of myth]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2008, 303 p. (in Russian)
30. Losev A.F. *Mif, chislo, sushchnost* [Myth, number, essence]. Moscow, Thought Publ., 1994, 920 p. (in Russian)
31. Losev A.F. *Uchenie o stile* [Teaching about style]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, 456 p. (in Russian)
32. Medvedev V.A. Parametry metodologicheskoy sostavlyayushchey poznavatel'nogo protsessa [Parameters of the methodological component of the cognitive process]. *Nauchnij ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 10, pp. 23-34. (in Russian)

33. Mozharovsky V.V. *Kritika dogmatischenko mysleniya i analiz religiozno-mentalnykh osnovaniy politiki* [Criticism of dogmatic thinking and analysis of the religious-mental foundations of politics]. St Petersburg, Ovizo Publ., 2002, 272 p. (in Russian)
34. Moren E. *O slozhnostosti* [About complexity]. Moscow, Institute for General Humanitarian Research Publ., 2019, 284 p. (in Russian)
35. Nikolaeva T.M. *O chem rasskazyvayut nam teksty?* [What do the texts tell us?]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2012, 328 p. (in Russian)
36. Noss I.N., Kovaleva M.E. Modelirovanie v psikhologicheskom issledovanii [Modeling in psychological research]. *Teoreticheskaja i eksperimentalnaja psihologija* [Theoretical and experimental psychology], 2019, vol. 12, no. 2, pp. 63-69. (in Russian)
37. Petukhov A.Yu. *Modelirovanie sotsialnykh i politicheskikh protsessov* [Modeling of social and political processes]. Nizhny Novgorod, NNGU im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2015, 141 p. (in Russian)
38. Pico della Mirandola J. Rech o dostoinstve cheloveka [Speech on the dignity of man]. *Antologija filosofii Srednih vekov i epohi Vozrozhdenija* [Anthology of Philosophy of the Middle Ages and the Renaissance]. Comp. S.V. Perevezentsev. Moscow, OLMA-press Publ., 2001, pp. 13-17. (in Russian)
39. Polomoshnov P.A. Problema lichnosti v islame [The problem of personality in Islam]. *Islamovedenie* [Islamic Studies], 2015, vol. 6, no. 4 (26), pp. 78-88. (in Russian)
40. Rakityansky N.M. Iudeyskiy mentalitet. Politiko-psikhologicheskoe esse [Jewish mentality. Political and psychological essay]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University Ser. 12], 2013, no. 4, pp. 55-81. (in Russian)
41. Rakityansky N.M. *Mentalnye issledovaniya globalnykh politicheskikh mirov* [Mental studies of global political worlds]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2020, 464 p. (in Russian)
42. Rakityansky N.M. Opyt konceptualnogo analiza islamskogo mentaliteta v kontekste politicheskoy psihologii [The experience of conceptual analysis of the Islamic mentality in the context of political psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political sciences], 2012, no. 5, pp. 53-71. (in Russian)
43. Rakityansky N.M. Fenomen i koncept sverhsoznaniya v politicheskoy psihologii [Phenomenon and concept of superconsciousness in political psychology]. *Mir i politika* [World and Politics], 2013, no. 6, pp. 236-245. (in Russian)
44. Rakityansky N.M., Sun Ts. Opyt konceptualnogo modelirovaniya kitajskogo politicheskogo mentaliteta. Chast 1 [Experience of conceptual modeling of the Chinese political mentality. Part 1]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12* [Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political sciences], 2016, no. 2, pp. 57-79. (in Russian)
45. Rakityansky N.M., Sun Ts. Opyt konceptualnogo modelirovaniya kitajskogo politicheskogo mentaliteta. Chast 2 [Experience of conceptual modeling of the Chinese political mentality. Part 2]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12*. [Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political sciences], 2016, no. 5, pp. 64-86. (in Russian)
46. Rats M.V. Metodologija: mladshaja sestra nauki ili ee mat? [Methodology: the younger sister of science or her mother?]. *Nezavisimaja gazeta. Nauka* [Independent newspaper. The science], 2004, no. 3 (76).
47. Rozov N.S. Dinamicheskaja koncepcija mentaliteta i izmenchivoe raznoobrazie rossijskikh gabitusov [Dynamic Concept of Mentality and Variable Diversity of Russian Habitus]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. 2010, vol. 1, no. 1(3), pp. 60-79. (in Russian)
48. Rubanov V.A. *Vizhu smysl. Metafizika smyslov. T. 1* [I see the point. Metaphysics of meanings. Vol. 1]. Moscow, Argo-Kniga Publ., 2022, 365 p. (in Russian)
49. Rubinstein S.L. *Bytie i soznanie. O meste psihicheskogo vo vseobshhej vzaimosvjazi javlenij materialnogo mira* [Being and consciousness. On the place of the psychic in the general interconnection of the phenomena of the material world]. Moscow, AN SSSR Publ., 1957, 328 p. (in Russian)
50. Sondi L. *Sudboanaliz : statii* [Fate analysis: Articles]. Per. with him. A.V. Tikhomirov. Moscow, Three squares Publ., 2007, 480 p. (in Russian)
51. Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka* [The phenomenon of man]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 239 p. (in Russian)
52. Trendelenburg A. *Jelementy logiki Aristotelja* [Elements of Aristotle's logic]. Per. B.A. Fokht, A.G. Vashestov. Moscow, Canon + ROOI "Rehabilitation" Publ., 2017, 336 p. (in Russian)

53. Ukhtomsky A.A. *Dominanta* [Dominant]. Moscow, Public Domain Publ., 2019, 258 p. (in Russian)
54. Flier A.Ya. *Ocherki teorii istoricheskoy dinamiki kultury. Monografija* [Essays on the theory of the historical dynamics of culture. Monograph. Electronic edition]. Moscow, Consent Publ., 2015. URL: https://studref.com/536723/kulturologiya/evolyutsiya_dominantnyh_identichnostey (in Russian)
55. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 1996, 640 p. (in Russian)
56. Horafas D.N. *Sistemy i modelirovanie* [Systems and modeling]. Per. from English. ed. I.N. Kovalenko. Moscow, Mir Publ., 1967, 419 p. (in Russian)
57. Chelpanov G.I. *Mozg i dusha: kritika materializma i ocherk sovremennyh uchenij o dushe* [Brain and Soul: A Critique of Materialism and an Outline of Contemporary Teachings on the Soul]. Kyiv, 1906, 319 p. (in Russian)
58. Shestov L. *Afiny i Ierusalim* [Athens and Jerusalem]. Moscow, AST Publ., 2007, 414 p. (in Russian)
59. Shpet G.G. *Soznanie i ego sobstvennik* [Consciousness and its owner]. *Georgiju Ivanovichu Chelpanovu ot uchastnikov ego seminariev v Kyive i Moskve 1891–1916. Statii po filosofii i psihologii* [Georgy Ivanovich Chelpanov from the participants of his seminars in Kyiv and Moscow 1891-1916. Articles on philosophy and psychology]. Moscow, 1916, pp. 156-210. (in Russian)
60. Shpet G.G. *Javlenie i smysl. Fenomenologija kak osnovnaja nauka i ee problemy* [Appearance and meaning. Phenomenology as a basic science and its problems]. Selected works. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 524-536. (in Russian)
61. Egilsky E.E., Matetskaya A.V., Samygin S.I. *Novye religioznye dvizhenija. Sovremennye netradicionnye religii i jezotericheskie uchenija: uchebnoe posobie* [New religious movements. Modern non-traditional religions and esoteric teachings: textbook]. Moscow, Knorus Publ., 2011, 224 p. (in Russian)
62. Yuriev A.I. *Predislovie* [Foreword]. *Rakityanskij N. M. Mentalnye issledovaniya globalnyh politicheskikh mirov* [Rakityansky N.M. Mental studies of global political worlds]. Moscow, Mosk. un-t Publ., 2020, pp. 19-20. (in Russian)
63. Becchio B., Schadé J.P. *Encyclopedia of World Religions*. 2006. 960 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=130GngEACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
64. *Modern Paganism in World Cultures. Comparative Perspectives* / Edited by Michael F. Strmiska. Santa Barbara, California Denver, Colorado Oxford, England, 2005, 398 p.
65. *Morin E. Antidote pour les pensées uniques Entretien avec Edgar Morin*. URL: <https://gerflint.fr/Base/Roumanie3/nelson.pdf>

Сведения об авторе

Ракитянский Николай Митрофанович
доктор психологических наук, профессор
кафедра социологии и психологии политики
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва,
Ленинские горы, 1
e-mail: drkayros@yandex.ru

Information about the author

Rakityanskiy Nikolay Mitrofanovich
Doctor of Sciences (Psychology), Professor
Department of Sociology and Psychology of
Politics
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991,
Russian Federation
e-mail: drkayros@yandex.ru